

ВСЕ СИГАРЕТЫ НА МЕСТЕ

— Вам что-то приснилось?

Андрей уже понимал, что заданный вопрос — из реальности, а все, что было до сих пор, — сон. Но сделать последний шаг к пробуждению смог не сразу: мозги, привыкшие по утрам реагировать на будильник, не услышав привычной мелодии, отказывались работать, сознание застряло где-то между сном и явью.

Андрею снилось что-то мудреное, как советские мультфильмы для взрослых. Сначала из темного мерцающего пространства, похожего на темную толщу воды, возникла светящаяся точка — маленькая и беззащитная. С каждой секундой она разрасталась все больше, вместе с ней усиливался странный шум, а где-то в солнечном сплетении у Андрея будто качались весы: когда они наклонялись влево, он испытывал страх, когда вправо — радость. Постепенно точка стала яркой вращающейся сферой, в ней обозначился силуэт младенца, и в солнечном сплетении разлилось какое-то материнское радостное чувство.

[Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>>](http://kniga.biz.ua)

Ребенок с незнакомым лицом открыл глаза и внимательно посмотрел на Андрея.

— Молодой человек, с вами все в порядке?

Смаровский вздрогнул и проснулся. Нет, сначала проснулся, потом вздрогнул. На него в упор смотрела старшая медсестра. Андрей чуть не рассмеялся, увидев огромные навывкате глаза этой девушки, — возможно, это было бы страшно, если бы в них не светилось столько наивности. Бедное, несчастное, невинное чудовище. Как могли ее взять сюда на работу? Все-таки лучший роддом в Москве. Может быть, взяли специально — во избежание ревности со стороны клиентов?

Чтобы роженицы не беспокоились, что, пока они терпят адские муки ради продолжения жизни на земле, их мужей уведут смазливые медсестры? А что, наверное, это сплошь и рядом — первая измена зарождается вместе с отцовством. Ведь будущие матери в роддоме выглядят не лучшим образом — что до родов, что после. На их фоне любая санитарка покажется Бритни Спирс.

— Да, да, все в порядке, — Андрей изобразил жест, который должен был означать, что, конечно, у него не все в порядке, но разве может быть все в порядке у мужчины, который находится в этом заведении, и не случайно, а по поводу.

Медсестра понимающе хлопнула своими огромными глазами и попыталась скрыться в недрах больницы, но Андрей ее остановил.

— Я могу видеть жену?

— Я только что от нее. Она уже спит. Вы не беспокойтесь. Вы поезжайте домой и выспитесь. Когда начнутся схватки, я вам позвоню. Вы далеко живете?

Медсестра говорила тоном педагога, что заставило Андрея вспомнить учительницу первую свою. Как ни странно, это чудо природы в белом халате действовало на Андрея успокаивающе. Он вдруг почувствовал, насколько утомился за две бессонные ночи его организм. Далеко Леон живет? Что? А, далеко ли ОН живет! Нет, недалеко. Пока не начались пробки, доедет за десять-пятнадцать минут. Да, пожалуй, надо бухнуться в постель и хоть немного поспать. Врачи говорят, что роды обещают быть мирными, но мало ли что? Вдруг война — а он уставший?

Андрей опустил руку в карман, рассчитывая обнаружить там сигареты, но почувствовал лишь свое теплое, напряженное бедро. Ах, да! Он же сегодня докурил блок сигарет и решил завязать. Таня попросила сделать ей такой подарок ко дню рождения ребенка. Он обещал. А обещания надо выполнять — тем более если речь идет о таком серьезном бизнесе, как семья. Да, да, семья — это самый настоящий бизнес, с той лишь разницей, что вместо денег в нем любовь. А в остальном — и в деловых, и в семейных отношениях действуют те же правила и законы. И главное, чего в этом деле следует избегать, чтобы не стать банкротом, — это лжи и равнодушия. Honesty is the

best policy — и в семье, и в бизнесе. Отступать от этого правила стоит лишь в единичных случаях — чтобы спасти положение. Но пока в жизни Андрея такие случаи не возникали.

В рот полетели две подушечки без сахара. Да, он знал, что на самом деле жвачка бессильна против карриеса, но собственная реклама действовала на него самого порой столь же эффективно, как на целевую аудиторию. Идешь по супермаркету, и каждый продукт, с которым ты имел дело, посылает тебе сигнал. Говорит с тобой твоим же языком. И ты ему веришь — потому что как же не верить себе самому? Издержки профессии.

«И сказала жена змею — плоды дерева мы можем есть, только плодов дерева, которое среди рая, сказал Он, не ешьте и не прикасайтесь к ним, чтобы вам не умереть...»

Это еще что такое? Андрей безуспешно пытался вспомнить, откуда у него в кармане эта сектантская листовка. Наверное, какой-нибудь миссионер подкинул, пока он спал. Эти спекулянты истиной, как черви, собираются там, где появляется тлетворный запах человеческой уязвимости.

А он сейчас уязвим. Он сейчас очень уязвим. Все его будущее — в руках людей в белых халатах и того, кто сидит в небесном пруду.

«...И сказал змей жене: нет, не умрете, но в день, в который вы вкусите их, откроются глаза ваши, и вы будете как боги, знающие добро и зло».

«Моя собака питается «Свидетелями Иеговы», — Андрей вспомнил надпись, которую один американец повесил на дверях своего дома после того, как его смертельно достали миссионеры.

Он улыбнулся, смял листовку и выбросил ее в мусорное ведро.

И вы будете, как боги, знающие добро и зло

И вы будете, как боги, знающие...

И вы будете, как боги, знающие добро...

И вы будете, как боги...

Последняя фраза еще долго звучала в голове на разные лады. Какой-то голос, выпавший из сна, — не то детский, не то его собственный, — произносил ее каждый раз по-новому. Вот и говори после этого, что реклама, с ходу отвергаемая реципиентом, не эффективна.

Андрей Смаровский шагал по лучшему роддому в Москве, а значит — в России. Он сделал для Татьяны все, что может сделать мужчина для своей супруги в этой стране и в это время. Пусть с напругом, пусть влез в долги — но сделал. Андрей верил, что жадность ведет к бедности и жить надо по стандартам, которые немного превышают твои возможности. Вектор стремления сделает свое дело, и возможности неизбежно подтянутся. Если же все время жить строго по средствам, то сам не заметишь, как начнешь экономить не только деньги, но и собственные усилия. А это — первый шаг к деградации.

Андрей любил вот так, как главный герой американского кино, стремительным шагом идти по коридору. Особенно если он шел по свежей территории. Коридоры в его жизни менялись, но чувство победителя, который добился возможности находиться здесь по праву, — это чувство хотя и притуплялось, но не исчезало. И чем больше в его прошлой жизни было завоеванных коридоров, тем более спокойно и уверенно он по ним шел.

Вот он идет по коридору легендарной «Плешки» — Российской экономической академии имени Плеханова. В начале девяностых в нее еще можно было поступить бесплатно. Только что он прочитал свою фамилию в списке поступивших на факультет менеджмента. На улице его встречает мама. Она счастлива. Она оставляет на его щеке след от губной помады и ведет в какое-то крутое, как ему тогда казалось, заведение на Пятницкой улице. Шампанское и мороженое — большего они тогда себе позволить не могли, но этот поход в ресторан и сейчас кажется ему слаще всех остальных. Папа тоже был бы счастлив, если бы десять лет назад не погиб в Афганистане.

Маме повезло с мужем. Прежде всего потому, что он у нее вообще был. В городе Камышине Волгоградской области, где родился и вырос Андрей, женщин в пять раз больше, чем мужчин. Это результат смелого решения, принятого в шестидесятых годах топ-менеджерами СССР, — построить здесь крупнейший в Европе текстильный комбинат. За несколько лет

городок с населением в двадцать пять тысяч человек благодаря женской иммиграции вырос до ста двадцати пяти тысяч. Спросом стал пользоваться даже самый поганенький алкоголик. Мужское меньшинство, которое и прежде не блистало высокими стандартами качества, теперь и вовсе испортилось. Спустя десять лет в городе разместили десантный полк. Если бы не эта отчаянная попытка властей решить женский вопрос, не было бы теперь на свете Андрея Смаровского.

Смаровский-старший был классическим десантником и строгим последователем культа ВДВ: сразу после «мама, папа» научил Андрея говорить «Никто, кроме нас!» — символ веры всех офицеров и рядовых воздушно-десантных войск. Вопрос, будет Андрей служить в армии или не будет, в их семье даже не обсуждался — конечно, будет. Но гибель отца отозвалась в душе подростка злобой и сентиментальностью. Андрей стал писать стихи, окунулся с головой в Серебряный век, познакомился с местной неформальной тусовкой, хватанул изрядную долю творческого тщеславия и твердо решил в обход армии идти на филфак. То, что он провалил единственный экзамен, который нужно было сдать в МГУ медалисту, можно было объяснить только мистикой: пока он не выполнит волю отца, он не сможет сделать дальше ни шагу.

Когда его отправляли миротворцем в Боснию, мама плакала. Как оказалось, напрасно. Первая война

в Югославии была уже позади, Косово еще не запылало, а выполнять роль перегородки между сербами-мусульманами и сербами-православными — эта работа требовала не столько боевых, сколько дипломатических усилий. Два года возле боснийского города Тузла пролетели быстро. И без того непыльную службу Андрею облегчило хорошее знание английского: командующий часто брал его с собой на встречи с американцами, которые стояли рядом и контролировали аэропорт. По отношению к звезднополосатым российские десантники раскололись на два лагеря. Большинство презирало американцев и называло их пиндосами. Андрей был одним из тех немногих, кому это казалось слишком дешевым проявлением патриотизма. «Можно сколько угодно называть их пиндосами, — думал Андрей, — но это они контролируют аэропорт, а не мы. Это они раздробили нашу Югославию, а мы здесь теперь сидим непонятно зачем со второстепенными полномочиями. Так что американцы, конечно, порядочные козлы, но вместо того, чтобы тешить себя ненавистью, лучше у них учиться. Глядишь, лет через тридцать и удастся поменяться с ними местами в мировой иерархии».

За такие мысли многие не любили Андрея и называли его полупиндосом. Но ему было наплевать. Он был человеком физически сильным, стойким и независимым, а главное — у него было надежное прикрытие в виде особого положения переводчика при командующем.

В армии Смаровский потерял интерес к литературе. Здесь в нем впервые проснулось желание не просто играть словами, а совершать эффективные действия. Из трагедии Югославии он сделал свои выводы. Люди в этом мире делятся на две группы: тех, кто умеет сам ставить задачи и их выполнять, и тех, кто служит средством для достижения целей другими. Эта истина актуальна на всех уровнях: в отношениях между отдельными людьми, в отношениях между группировками людей и уж тем более — в отношении тех многомиллионных команд, которыми, в сущности, являются государства. Смаровский твердо решил, что в этой жизни он будет играть в свою игру — на каком бы уровне действия он ни оказался. Но если его действия будут по-настоящему эффективными — то и масштаб этих действий рано или поздно станет внушительным.

Армия — позади, взятая приступом «Плешка» — позади, Андрей идет по коридору Российской академии наук. Вчера он защитил диплом на тему: «Андрей Белый и издательство «Мусагет»: деловая переписка и коммерческие отношения». Нестандартная тема приятно поразила преподавателей. Еще никому до Андрея Смаровского не приходило в голову разобрать жизнь поэта не на тексты и события, а на рубли и копейки, на верные и ошибочные коммерческие ходы. И пусть он потратил на эту работу гораздо больше усилий, чем те, кто еще думает, что в этой жизни препятствия можно и переползать — все

равно никто не видит. Пусть он полгода сидел в отделе рукописей Ленинки и страниц в его дипломной работе — в два раза больше, чем нужно. Зато он взял этот барьер красиво. Ему даже предложили остаться на кафедре. Написать вместе с одним весьма уважаемым специалистом по Серебряному веку совместную работу. Да, разумеется, он, Андрей Смаровский, возьмет на себя весь основной труд, а имя уважаемого специалиста будет просто написано рядом. Большинство молодых почитают за честь такое предложение: это стандартный пропуск в мир науки. Но Андрею это не интересно. Андрей только что встретился с этим уважаемым специалистом, выслушал его и ответил на предложение отказом. И не потому, что он не желает пахать за другого. Можно было бы и пахать ради реального результата. Просто он не видит в перспективе плодов этого труда. Наука в загоне, даже этот уважаемый человек перебивается с булки на кефир, а что такое материальные тяготы непризнанного гения, Смаровский только что весьма подробно описал в своем дипломе. Такая жизнь — не для него. Он не готов оплачивать собственное тщеславие несколькими годами его единственной жизни. В ней есть гораздо более захватывающие занятия.

К тому же старт уже взят. Параллельно с учебой он уже год работает менеджером по персоналу в одной весьма уважаемой газете. В этом здании длинный, тихий коридор и старинные традиции. Андрей до сих пор помнит то чувство, с которым впервые

прошел мимо длинного ряда фотографий всех главных редакторов, зашел в буфет и выпил кофе, приготовленный теткой, которая помнит Грановского и Эренбурга.

Началось все с практики, которую он проходил здесь два года подряд в отделе кадров. А потом газета решила ввести новую должность менеджера по персоналу, а занять ее было некому. Местные кадровики — люди старой закалки, которые умеют лишь тупо коллекционировать бумажки, а о таком понятии, как «управление человеческими ресурсами», даже не слышали. Да и кто слышал о нем в начале девяностых? Даже в «Плешке» одноименная кафедра только-только появилась.

Фактически Смаровский был одним из тех, кто создавал профессию с нуля. По крайней мере, на российской почве. Это было делом неблагодарным. В те времена в силу естественных причин ротация кадров увеличилась на порядок. Люди, которые долгие годы работали в «лучшей газете страны», вдруг снялись с места и стали уходить в новые структуры. Естественно, все шишки посыпались на «специалиста по человеческим ресурсам», а начальство, которое тоже привыкло жить в условиях стабильности, не нашло ничего лучше, как списать приметы нового времени на только что назначенного менеджера. Тем не менее Андрей попытался переломить ситуацию. Он, пожалуй, одним из первых попытался привить в газете то, что спустя лет пять назовут корпоративной

культурой. Он добился, чтобы всех увольняющихся в обязательном порядке присылали к нему на беседу. И это общение было небесполезным — как для самих уходящих, так и для Смаровского. Половина тех, кто приходил к нему с обходным листом, перетекала в рекламный бизнес и пиар-структуры. Одни делали это с надломом, с чувством предательства. Дескать, не смогли изменить этот мир к лучшему, пойдем теперь продаваться. Таких было меньшинство, и они, как правило, потом возвращались — с еще большим надломом: мол, вот — даже продаться толком не смогли, возвращаемся в свое болото. Но большинство уходило с энтузиазмом и любопытством.

— Здесь слишком много слов, — сказал Андрею один из увольняющихся, тридцатилетний журналист из отдела культуры, еще немного экзальтированный, но уже достаточно циничный и трезвомыслящий. — Я устал продавать слова оптом. Слова — это слишком весомая и ценная материя, чтобы пропускать ее через себя в таком большом количестве и отдавать так дешево. Свобода слова — это, конечно, здорово, но чем больше слов попадет на рынок, тем сильнее инфляция значений. Это неизбежный процесс, но я участвовать в нем не хочу, — сотрудник залпом выпил эспresso, выдав в себе жестом опытного поглотителя спиртных напитков. — Я хочу заниматься эксклюзивными смысловыми комбинациями. Создавать такие фразы, которые изменяют целые рынки. Вот видишь листок бумаги? — он

указал на страницу какого-то текста. — Сделай из него самолетик и попробуй запустить.

Андрей послушался. Свернув самолетик, он вышел в коридор и метнул его в сторону дирекции. Пролетев метров пять, бумажная птица клюнула носом в пол. Тогда Аркадий вынул из принтера чистый листок бумаги и снова протянул его Андрею. На этот раз полет был прерван туловищем гендиректора, внезапно появившегося из своего кабинета.

— Вот видишь, даже самолетики летают хуже, когда на них слишком много слов. Запомни это!

Андрей запомнил. Он стал наблюдать за словами. Он стал замечать, как слова управляют людьми. Правильно выстроенные фразы, в которых нет ничего лишнего, действуют, как молекулы, выстроенные во взрывоопасные конструкции. Они западают в сознание человека и начинают действовать изнутри. Одно внедренное в сознание слово экономит миллиарды нервных клеток, миллионы долларов и тысячи тонн боеприпасов. В Андрее снова проснулся поэт — но только теперь это был не самолюбивый «непризнанный гений», а естествоиспытатель, который понимает, что, как его слово отзовется, предугадать ему очень даже дано.

Он убедил руководство в необходимости снять корпоративный фильм для внутреннего пользования. Он принимал в его создании активное участие, устроил коллективный просмотр и раздал каждому работнику по экземпляру. По его поручению

компьютерщики сделали так, чтобы при открытии каталога текущего номера каждый раз на дисплее высвечивалась какая-нибудь ключевая фраза из этого фильма. Результаты были налицо. Во-первых, число увольняющихся из редакции уменьшилось на порядок. Во-вторых, уволиться решил сам Андрей. В-третьих, гендиректор готов был поднять ему зарплату вдвое, лишь бы он не уходил. Но это не помогло. В нем проснулся азарт. Слишком велико было желание двигаться дальше, а здешняя экспериментальная площадка исчерпала свои возможности.

Смаровский никогда не забудет, как вошел в то здание, где работает до сих пор. Это был один из первых в Москве настоящих офисных центров. Он мог бы достойно располагаться в Нью-Йорке или Лос-Анджелесе, но появился в Москве. Войдя в автоматические двери, Андрей оказался в холле, высота которого была равна высоте здания. Море мрамора под ногами, скалы из хромированного железа вокруг, стеклянное небо над головой. Миновав это великолепие, Андрей прошел несколько сотен метров, прежде чем оказался в кабинете директора московского представительства рекламного агентства Bad boys. Белое кресло, в котором сидел Иммануил Петрович, символизировало непогрешимость исходящих отсюда суждений и распоряжений. Красное кресло, в котором сидел Андрей, как будто физически заряжало подчиненного энергией и энтузиазмом. То, что оба кресла были сделаны из дорогой кожи, наделяло

достоинством обе стороны и как бы давало понять, что, несмотря на разное положение, и начальник, и подчиненный вписаны в такую иерархию, принадлежать к которой само по себе является знаком избранности. Иммануил Петрович, в свою очередь, тоже регулярно сидел в красном кресле и слушал того, кто сидит в белом. Но это было этажом выше — в головном офисе компании Bad boys, где рулили рекламными компаниями в масштабах всей России. Всего же империя «Плохие мальчики» насчитывала более восьмидесяти представительств по всему миру и примерно столько же лет своей истории.

Когда компания Bad boys появилась на свет, это словосочетание звучало в Америке примерно так же, как сегодня в России — «Реальный пацан». Эпоха сухого закона, гангстеров и бандитского джаза была на излете, ее герои подались в бизнес, им нужна была реклама тех товаров и услуг, которые они решили производить и оказывать, но общаться с представителями «чистых структур» им приходилось на разных языках.

«Плохие мальчики» подали этой публике знак: «Мы все понимаем. Мы такие же, как вы. С нами вам будет проще работать». Всего два правильно подобранных слова вывели компанию в число лидеров рекламного рынка. С тех пор плохие мальчики Америки заняли свое заслуженное место в аду, название компании, которая была создана для них, потеряло свой криминальный оттенок, но ее методика работы

осталась прежней — снайперское попадание в целевую аудиторию. Без лишних эмоций и яркого, но нефункционального креатива. Bad boys позиционировала себя как высокоточное оружие в войне за умы, души и потребительские привычки людей. И она была этим оружием.

Мануал (так начальника прозвали подчиненные) выглядел безупречно: всегда гладко выбритая со всех сторон голова, изящный, с каким-то неуловимым оттенком черного цвета костюм, иногда — сигара и всегда — неуязвимое и живое настроение человека, уверенного в себе, но не настолько, чтобы не принимать сигналы из окружающего мира. За семь лет работы в Bad boys начальник так и остался для Андрея непознанным объектом.

В офисе Мануила царила атмосфера добровольного тоталитаризма. Здесь не было выхолощенных биороботов в галстуках. Все держалось на человеческих отношениях, но держалось железобетонно. За все семь лет работы Андрей не был свидетелем ни одного серьезного промаха — это было тем более удивительно, что понятие «дрючить подчиненных» в зоне ответственности Иммануила Петровича полностью отсутствовало. Каждый сотрудник был хозяином процесса и настолько в курсе происходящего, что человек со стороны мог бы принять любого за гендиректора. Год от года Смаровскому все больше нравилась эта работа, эта система, эти перспективы, этот офис. Он чувствовал здесь себя органично, как

калмык в степи. Красивое и грамотно организованное рабочее пространство само по себе располагает профессионально работать. А когда вокруг тебя все продумано, то и внутри все наполняется смыслом жизни и образом действия. Еще в Камышине он как-то раз попал в контору одного местного олигарха. По сравнению с офисом Мануила она была полным отстоем, но в тот момент он почувствовал то же самое, что испытывает мальчишка, мечтающий стать летчиком, когда ему дают посидеть за штурвалом хотя бы любительского, но настоящего самолета. Офис — это площадка для действия. Высокоточный инструмент. Семь лет назад Андрею отдали его в руки и сказали: работай. И он стал работать. И уже заработал себе должность арт-директора, право распоряжаться тремя подчиненными, квартиру (пускай в кредит), возможность каждые пару месяцев менять машины, предоставляемые ему рекламодателями на время выполнения контракта, небольшое брюшко и возможность регулярно с ним бороться в одном из лучших фитнес-центров столицы. Что еще нужно мужчине, чтобы достойно встретить решающий период жизни?

Он вышел на пустую парковку перед перинатальным центром. Его новый серебристый джип Audi Q7 стоял в полной тишине и гордом одиночестве — как божество в долине предков. К сожалению, он владеет им всего лишь временно. Гендиректор фирмы-дистрибьютора посчитал, что, если Андрей

Смаровский в период создания рекламной кампании этого автомобиля будет ездить на нем сам, — это не помешает работе. И он абсолютно прав. Современный житель мегаполиса общается со своим автомобилем, пожалуй, даже чаще, чем с женой и детьми. И каждая машина говорит со своим хозяином на особом языке. Чтобы его передать, его надо выучить. Научиться общаться с новой машиной — это все равно что научиться общаться с новой женщиной. Занятие не из неприятных. Идею отправиться домой сознание Андрея восприняло благосклонно еще и поэтому.

Ночь, улица, фонарь, ночь, улица, фонарь, ночь, улица, фонарь. С тех пор как Андрей стал ездить на хороших автомобилях, ему нравилось сочетание быстрой езды и медленной музыки. А по радио, как назло, какое-то ковбойское кантри. Уже год как он собирается купить подставку для дисков, чтобы одним движением руки перекрывать этот источник лишней информации и ставить ту музыку, которую он сам желает слушать. Все-таки современная жизнь в городе вызывает ряд вопросов. Например: зачем зарабатывать пять тысяч долларов, если не можешь купить подставку для дисков? Опять надо лезть в бардачок. После очередного светофора нужный диск найден, и в салоне играет «Раз, два куба — Куба далеко. Три, четыре куба — и Куба рядом». Андрей никогда не пробовал наркотиков и не любит «Запрещенных барабанщиков», но эта песня — исключение. Когда он возвращается домой с работы после

полуночи, уставший, но без ощущения, что устал напрасно, ее как раз хватает на дорогу от Павелецкой до Коломенской.

Вместе с диском из бардачка предательски выпала пачка сигарет. Как она здесь оказалась? Он же докурил вчера последний блок. Значит — не докурил. Одна завалилась.

Но он же обещал себе и Тане бросить курить.

Но не выбрасывать же эту пачку?

Одним из атавизмов небогатого детства Андрея было то, что он не умел выбрасывать неиспользованные продукты, новые вещи и вообще все более-менее ликвидное. Подарить кому-нибудь — это пожалуй-ста, но выбрасывать — пижонство. Сигареты отправляются обратно в бардачок. Кого-нибудь угощу.

Что это? Вибрация в салоне? Ах, да — телефон. Как же все-таки хочется спать. На экране — самый знакомый телефонный номер из всех телефонных номеров. Андрей улыбнулся: он давно заметил, что у его жены потрясающая интуиция. Любой «шаг в сторону» она чувствует моментально на любом расстоянии. Стоило ему задуматься о том, чтобы закурить, — и вот звонок. Нет, она еще никогда не закатывала скандалов, когда ей что-то не нравилось. Просто огорчалась. Искренне и горько. А огорчать жену Смаровский не любил. Как можно огорчать любимого человека, который на восемь лет моложе и полностью от тебя зависим? Это все равно, что убить бабочку на глазах ребенка.

— Андрюша...

— Да, моя сладкая!

— Я уже скучаю...

— А мне сказали: ты спишь.

— Я почувствовала, что ты уехал, и проснулась.

— Экстрасенсочка моя! Я возвращаюсь!

— Не надо, Андрюша, я справлюсь. Тебе надо выспаться. Ты уже третий день из-за меня почти не спишь. Я у тебя надежная жена. Наберись сил и приезжай. Я тебя люблю.

У нее чуть рыжие волосы и зеленые с карим отливом глаза. Ее любят джунгарики и морские свинки. Она ушла в академку с исторического факультета РГГУ, куда ее запихнула мама, но не факт, что туда вернется. Она говорит, что наука, политика, бизнес — кажутся ей играми, в которые играют либо настоящие мужчины, либо потерянные девочки. Таня — из редкой породы настоящих, профессиональных женщин. У нее нет карьерных амбиций, зато есть глубокие инстинкты, которые никогда не подведут. Бывают люди, которые вызывают уважение одной лишь верностью своему полу. От них всегда веет уверенностью, покоем и смыслом жизни. Им от рождения дается понимание чего-то такого, что большинство людей постигают, только разбив собственные судьбы. Внутреннее состояние таких людей заразительно: оно передается половым путем. Если рядом с тобой профессиональная женщина, хочется стать профессиональным мужчиной, и наоборот — рядом с квалифицированным

мужчиной любая женщина станет настоящей. Андрей давно понял, что, только познакомившись с Таней, он начал жить полноценной жизнью: его поступки больше не были следами на песке, которые тут же заметает ветер. Каждая минута его существования теперь имела последствия, и это было приятно. И последствия сегодняшнего дня, разумеется, будут самыми серьезными в его жизни. Вот уже девять месяцев, как он во власти двух противоположных чувств — собственного величия и собственного бессилия. Величия — от того, что он совершил в этом мире нечто необратимое — что уже никто не в силах изменить, и бессилия — потому, что впервые в жизни понял: ожидаемый результат — не в его власти. Как будет развиваться плод, насколько здоровым родится ребенок — повлиять на этот процесс Андрей может лишь в микроскопической степени. Он только пассажир самолета, он может лишь надеяться, что в работе всех тех, кто готовил авиалайнер к полету и теперь его пилотирует, нет ошибки и просчета. А летать на самолетах он боялся всегда. Аэрофобия была одним из многих страхов в его жизни.

— Могу я раз в семь лет забыть работу? Не рожай без меня, я приеду! — А что еще он может сказать в ответ на ее великодушие?

— Андрюша...

— Что, сладкая моя?

Она умела держать такие паузы, которые как будто выстреливали в тебя теплом и щекоткой. В ответ

на эту тишину Андрей всегда улыбался, как ребенок.

— ...Я тебя люблю, зайчуша мой. Ну, все, клади трубку.

— Клади ты.

— Нет, ты клади. Ты за рулем.

— Я уже не за рулем. Я уже почти дома. Давай вместе.

— Давай.

Вместо кнопки на телефоне Андрей нажал кнопку звонка на двери своей пустой квартиры. «Еще немного, и у бейбика папа будет дебилом», — подумал он, рухнув на кровать. Он вдохнул из подушки полной грудью теплый запах Тани и ушел в спящий режим.

Это был уже их третий приезд в роддом. Первый раз они рванули сюда неделю назад, когда у Тани вдруг сильно занял низ живота. Она позвонила маме, и та настояла на том, чтобы они поехали. Но пока они доехали, боль прошла, а врач сказал, что это ложные схватки — явление редкое, но вполне заурядное. От настоящих они отличаются тем, что не учащаются и в конце концов проходят. Причина — излишнее волнение. Второй раз они с Андреем сорвались в роддом вчера под утро. Живот чуть заметно схватывало примерно через каждые полчаса, Таня не могла уснуть всю ночь, но врач снова разочаровал: шейка матки даже не начала раскрываться. «Скорее всего, это уже настоящие схватки, но в таком режиме они могут продолжаться и день,

и два», — сказал их личный врач. Он предложил госпитализацию, но они отказались. И вот сегодня уже нет никаких сомнений: воды отошли, и сегодня она станет матерью.

От этой мысли в организме у Тани было и сладко, и страшно — как будто она в аквапарке решила спуститься по самой высокой и крутой трубе, уже забралась на самый верх, села на стартовую площадку, и осталось лишь оттолкнуться, чтобы полететь в бездну. И вроде понятно, что ничего плохого случиться не может, а все равно страшно и руки не слушаются. Да, врач, который следил за протеканием ее беременности, уверяет, что никаких отклонений нет и все должно пройти по идеальному сценарию. Да, этот перинатальный центр гордится тем, что процент «управляемой смертности» у них равен нулю. Но само слово «управляемая смертность» предполагает, что бывает и неуправляемая.

— Вы все еще не спите? — в палату зашел Александр Израильевич, маленький и до ужаса смешной еврейчик. Один только взгляд на него был способен вывести из депрессии — хоть до, хоть послеродовой. К тому же он постоянно шутил, причем иногда весьма скабрёзно, но обижаться на эти шутки было невозможно.

— Это очень плохо, мадам, что вы не спите, очень плохо. Входить в роды надо хорошо выспавшейся — иначе не будет сил тужиться, и процесс может затянуться. Со всеми вытекающими отсюда проблемами.

Таня посмотрела на Израильевича испуганными глазами.

— Но вы не беспокойтесь, — врач улыбнулся. — У нас тут на днях появился новый аппарат. Очень дорогой, но это настоящая революция в медицине. Если у роженицы не хватает сил, мы кладем рядом мужа, надеваем ему вместо трусов специальный электронный памперс и он тужится вместе с вами.

Он так серьезно об этом рассказывал, что Таня даже не сразу сообразила, что это шутка, а когда поняла — от души рассмеялась.

— А если муж на роды не успеет? — попыталась она подыграть врачу.

— Тогда мы позовем нашего охранника. Он в последнее время этим делом охотно подрабатывает.

— Охранника не хочу. Я лучше заплачу вам.

— Мне тужиться нельзя. Я уже старенький.

Снова легкий приступ смеха.

— Ну, а если серьезно, дорогая моя, то вам действительно нужно поспать. Я вас очень прошу. Не бойтесь, роды вы не проспите. Когда начнутся схватки, я вас обязательно разбужу.

Интересно, во время родов он тоже будет шутить? И помогает ли смех во время родовой деятельности? Впрочем, что за бред лезет ей в голову? Смех во время схваток — это нереально.

Поспать — было бы, конечно, неплохо, но как она может спать сейчас, когда голову распирает от мыслей. Можно ли спать, когда напряжение твоей жизни

достигло пика? Может ли спать плод, когда его срывают с ветки? А сегодня — это плод всей ее предшествующей жизни. Все, что случилось до сих пор, осталось позади, как остается позади перрон большого вокзала, а она едет в каком-то незнакомом поезде и не знает, куда именно.

«После оплодотворения самка спускается на землю и отгрызает себе крылья», — Таня почему-то вспомнила когда-то поразившую ее фразу из школьного учебника по биологии. Это из жизни муравьев — самых близких к человеку по социальному строю живых существ на земле. Говорят, у пчел то же самое. Странное дело, но она вот уже в течение часа почти не думала об Андрее. Как будто он больше ей не нужен. Как будто он остался там, на перроне, и она его больше никогда не увидит — во всяком случае, такими глазами, какими смотрела на него до сих пор. Да, ей, конечно, хочется, чтобы кто-то близкий был рядом хотя бы на первом этапе родов, но будет ли это муж, мама, лучшая подруга или Александр Израилевич — по большому счету, ей все равно. Она очень любит Андрея, но с каждым часом все больше погружается в какой-то новый мир — свой, окончательно женский, самодостаточный, фундаментальный. С той минуты, как стало ясно, что роды начались, любовь к мужу стала обретать в ее сознании какие-то новые черты. Она стала более прагматичной. Андрей теперь — это не тот, без кого она не мыслит своей жизни. Он теперь становится для нее одновременно

и чем-то бóльшим, и чем-то меньшим. Андрей Сма- ровский — это миропорядок, почва под ногами, среда существования, но уже не центр вселенной. Теперь центр вселенной — это ее ребенок, он здесь, под грудной клеткой, где уже началась родовая деятельность. А Андрей — лишь гарантия того, что ее ребенок выживет, вырастет и займет в этом мире достойное место.

Таня огляделась. Ей досталась палата розового цвета. Когда они оформляли контракт, им предложили на выбор желтую, зеленую, голубую и розовую. Они заказали зеленую, но она сегодня уже занята. Правда, их предупредили, что такое может случиться. Интересно, может ли сказаться на развитии ребенка то, какой цвет будет преобладать вокруг него в первые дни его жизни? Таня заметила на столике журнал для беременных. На обложке анонс: «Взглянуть на роды глазами ребенка». Она давно заметила, что в ее жизни кто-то невидимый часто вовремя предоставляет ответ на самые важные вопросы.

«Американский ученый Станислав Гроф пришел к выводу, что способ рождения малыша сказывается на формировании его личности...»

Интересно.

«...Для ребенка мама — это вселенная, центром которой является он сам, а роды — событие, которое можно сравнить лишь с наступлением конца света. Тут уместно вспомнить анекдот про двух младенцев, которые в утробе матери спорят на тему, есть ли жизнь после родов,

и один другому говорит: «Ну, как ты можешь утверждать, что жизнь после родов существует, если оттуда еще никто не возвращался?!» В этой шутке есть доля правды. Схватки для малыша — тяжелейшее испытание. В это время у него формируются такие важные для человека качества, как терпение и умение принимать решение. Ведь посылая маме первый гормональный импульс, ребенок сам запускает роды. Первые легкие сокращения матки воспринимаются им как прощальные объятия любимого мира. Постепенно, с каждой схваткой пространство, к которому он привык, начинает сжиматься. Время как будто останавливается. Ребенок начинает испытывать удушье и эсхатологический ужас. Именно поэтому в шестидесятые годы двадцатого века некоторые медики оправдывали операцию кесарево сечение, даже когда в ней нет жесткой необходимости. Зачем подвергать кроху жесточайшим испытаниям, если можно безболезненно достать его из утробы матери? Что же происходит с малышом, когда мама, не дожидаясь схваток, решается на кесарево сечение? Он воспринимает мир как гигантскую матку. Ребенок не прошел никаких испытаний, чтобы появиться на свет. Единственный опыт, который он успел приобрести: «Я — центр вселенной. Весь мир крутится вокруг меня». Потому что уже в раннем возрасте «кесарята» часто испытывают затруднения в общении со сверстниками, отличаются капризностью и пассивным отношением к реальной действительности...»

Таня подняла глаза от журнала. Она испытала первую в этой жизни гордость за своего сына —

он родится полноценным ребенком, без помощи скальпеля, как настоящий мужчина. Да, конечно, мнение этого американца — всего лишь гипотеза, но умение объективно мыслить в сознании Тани уже начинало уступать чувству, называемому материнской любовью. Сердце уже начало само выбирать, какую информацию принимать, а какую — отбрасывать.

«...В последнее время на этапе схваток все чаще стали применять обезболивающие препараты без каких-либо медицинских показаний. Последствия такого гуманизма также могут весьма отрицательно сказаться на всем будущем малыша. Во время родов под действием наркоза связь «мама — малыш» прерывается. Мама не способна реагировать на схватки и переживать этот процесс вместе с малышом. Ребенок остается один на один со своей бедой. Его охватывает сильнейшее чувство безысходности, которое порой сопровождает человека на протяжении всей его жизни...»

В палату как-то странно постучали — приглушенно, как будто в ушах у Тани была вата. Дверь открыла старшая медсестра. Она положила на стол несколько огромных, как грейпфруты, красных помидоров. Они были безумно красивыми — таких помидоров Таня еще никогда в жизни не видела.

— Это вам просили передать.

— Андрей?

— Нет, какая-то девушка. Рыжая. Говорит, что принцесса.

Странно, но Тане это обстоятельство не показалось из ряда вон выходящим. Почему бы рыжей принцессе не принести для нее помидоры? Обычное дело. А вот и она сама — стоит за спиной старшей медсестры — в белом венчике из роз, с тонкими губами, слегка раскосыми глазами и с приторным видом ей подмигивает. Нет, не хочу принцессу. Что-то дьявольское есть в ее выражении лица. А где помидоры? Почему их уже нет на столе? Таня почувствовала, что помидоры уже в желудке, и проснулась. Было утро. Батарейки в телефоне сели. Станный сон. Надо подзарядить аппарат и позвонить Андрею. Сколько времени? Семь утра. Нет, позвоню позже, он еще спит.